

ЭДГАР ЮЛИУС ЮНГ

ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Герм)
Ю50

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод — Ислам Паштов:

*«Значение Немецкой революции» — с английского;
Марбургская речь — с немецкого.*

Юнг, Э.

Ю50 Значение Немецкой революции. — М.: Тотенбург, 2025. — 174 с.

В этой знаковой работе 1933 года, созданной на переломе эпох, немецкий философ и политический мыслитель Эдгар Юлус Юнг предпринимает смелую попытку осмыслить глубинные причины и возможные последствия прихода нацистов к власти в Германии. Автор, один из знаковых представителей Консервативной революции, предлагает оригинальный взгляд на природу власти, соотношение традиции и модерна, место Германии в европейской цивилизации.

Проницательный анализ политической реальности раннего периода нацистского правления сочетается здесь с тревожными предостережениями о вырождении национал-социализма. Юнг развивает концепцию «органического государства», основанного на духовных традициях, критикуя как бывшую Веймарскую систему, так и намечающиеся тоталитарные и антихристианские тенденции современного ему режима.

Этот текст — не только важный исторический документ, запечатлевший идейные поиски немецкой интеллектуальной элиты в период между двумя мировыми войнами, но и глубокое философское размышление о природе революции как таковой. «Значение Немецкой революции» вместе с Марбургской речью позволяют услышать голос мыслителя, чьи предупреждения и надежды на Консервативную революцию в Германии стоили ему жизни в 1934 году.

**УДК 94(430)
ББК 63.3(4Герм)**

© Ислам Паштов,
перевод с английского,
перевод с немецкого, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	21
О необходимости данной работы.....	23
Истоки Немецкой революции.....	27
1918–1933	46
Контрреволюция против 1789 года	67
Политическая игра сил внутри	86
Христианская революция.....	110
МАРБУРГСКАЯ РЕЧЬ	
Речь вице-канцлера фон Папена перед Университетским союзом в Марбурге 17 июня 1934 г.	141

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Эдгара Юлиуса Юнга «Значение Немецкой революции» была написана как руководство по Немецкой революции, достигнувшей исторического рубежа с приходом Гитлера к власти в январе 1933 года. Как консервативный революционер Юнг приветствовал победу национал-социалистов, но желал, чтобы Немецкая революция развивалась в более консервативном направлении, чем то, которое избрал Гитлер.

Он начинает свою работу с различия между национализмом и консерватизмом, подчеркивая, что первый фокусируется в основном на государстве, тогда как второй больше озабочен развитием индивидов, составляющих это государство. Национализм должен вдохновить всю нацию новым духовным рвением, которого не хватает в программе национал-социалистов. Для этого требуется «дух» — качество, которое, как он позже покажет, лучше всего воплощается в религии, а не в политике самой по себе.

Юнг прослеживает историю национализма в современной Германии — от его появления как реакции на либеральную Французскую революцию до включения сильного прусского государства в Бисмарковский Рейх в 1871 году, когда военный

пруссский характер был размыт растущей тенденцией буржуазных германцев считать себя «немецкой нацией». Затем последовала катастрофа Первой мировой войны, завершившаяся социалистической революцией и Веймарской республикой. Поражение Германии в войне повлекло за собой серьезные экономические потери, а также вынужденную бездеятельность не только для огромного числа безработных, но и для военных. Офицеры, примкнувшие к движению Гитлера, были рады снова участвовать в политической жизни, тогда как молодежь, не нашедшая себе места в экономической и государственной системе Веймарской республики, с готовностью маршировала вместе с национал-социалистами. Хотя массы составляли основную часть электората Гитлера, наиболее привлеченным его национализмом классом была та же буржуазия, которая поддерживала Бисмарковский Рейх. Для них поражение в войне означало утрату значительных личных владений и богатства. Последующий экономический кризис усугубился тем, что в Веймарской республике произошел разрыв с более честными экономическими практиками, существовавшими в стране до войны. Не было могущественного высшего класса, подобного британскому, который мог бы удерживать буржуазию в рамках этических и социальных норм аристократической традиции.

Чтобы превратить Германию в полностью националистическое государство, Гитлер прибег к стратегии *Gleichschaltung* — тоталитарного навязывания национал-социалистической идеологии во всех сферах экономики и общества. Юнг считал, что эта «унификация» лишала отдельные звенья в этих секторах их автономии. Например, закон «Об унификации земель с Рейхом», который сделал земельных руководителей винтиками центрального правительства, лишил провинции возможности их автономного развития, а сельские районы были вынуждены принимать кандидатов на выборах не из своих знакомых кругов, а назначенных национал-социалистической партией. Новый Трудовой фронт (*Arbeitsfront*), созданный режимом, также не решал ключевой проблемы взаимоотношений между работодателями и работниками. Все эти меры способствовали коллективистской организации общества, которая, по мнению Юнга, представляла угрозу для немецкой нации.

Кроме того, введение национал-социалистическим режимом новых правовых норм приводило к юридическому формализму, не столько контролировавшему массы, сколько дававшее им возможность действовать без ограничений против тех старых либеральных структур, которые Гитлер стремился уничтожить. Юнг имел в виду прежде всего еврейские либеральные институты,

ставшие основной мишенью национал-социалистов. Он считал, что достаточно разрушить либеральные институты, ответственные за экономические и социальные проблемы Германии, но не обязательно атаковать лично тех, кто ими управлял. Юнг утверждал, что «еврейская проблема» — это конфликт двух разных культур, но не расовая проблема. Расовый антисемитизм приведет к прямым нападениям на евреев как отдельных личностей, а не на институты, с которыми они связывались.

Консервативная революция, в отличие от национал-социализма, базировалась на прочном интеллектуальном фундаменте, который стремился создать новый немецкий государственный порядок и Рейх, основанный на духовном видении общества и политики. Как заявляет Юнг:

«Все мы — политики с мировоззрением; все мы считаем неперенным условием всякой творческой политики, да и вообще возрождения понятия политического, новую веру, в трансцендентальном смысле. Каждый из нас на своем трудном пути добирается до альтернатив: гибель Запада или рехристианизация, анти-Рейх или Рейх».

Трансцендентальный христианский аспект Консервативной революции, бесспорно, является ключевой целью политического идеала Юнга:

«Против механизации, материализма и научного мышления сначала возникает новый универ-

сализм, к которому пробуждаются исторические теоретики ранга Отмара Шпанна. Но помимо этого... за пределами биологического мышления... а значит, и космологического, путь ведет к новой трансцендентности и тем самым к оживлению Евангелия».

При построении консервативного государства Юнг настойчиво утверждает, что никчемность масс — не из-за недостатка их образования, ведь даже современные академики проникнуты менталитетом толпы, — а потому что ядром нового германского государства может быть только творческая личность:

«Нравственный порядок мира, высшая жизнь, основывается на творческой личности. Он исторически представляет народ, а не массы, о которых история мало что сообщает. Германия — это Кант и Гёте, это Бах и Бетховен, это Бисмарк и Ницше. Свой образ она получает от великих творцов немецкого духа. Они воплощают душу народа даже тогда, когда между ними и населением нет внешней связи. Тот, кто переносит представление народа на массы, подрывает корни интеллектуально-нравственной жизни последних, что получают отпечаток не от самих себя, а только от возвышающейся над ними высшей породы».

Действительно, пока массы остаются пролетарскими, их нельзя рассматривать как политиче-

ский материал, и единственный способ направить национализм в консервативное русло — это их полная деполитизация. Проблема распространения пролетарского менталитета заключается в том, что современное гуманистическое образование привело ко всеобщему смещению интеллектуального и духовного, в результате чего в нации возник резкий разлом:

«С одной стороны — лагерь недооцененного ручного труда, с другой — интеллектуальная прослойка, внутренне высокомерная и враждебная жизни. И те, и другие чужды культуре, потому что первые потеряли связь с разумом, а вторые — с жизнью.

Возвышение масс невозможно через националистическую пропаганду, а только через замену интеллектуального взгляда на жизнь духовным:

«Привитие националистических настроений трудящимся массам — это механистический процесс, а еще не зарождение немецкого духа в народе. Только общий опыт создает единую нацию. Когда духовный человек заменит интеллектуального, разрыв в народе будет ликвидирован. Но для этого сначала нужно, чтобы каждый немец ощутил единство тела и души. Он должен найти свой путь назад к космосу и Богу; в нем должны слиться во едино свобода, природа и дух».

Личность, как и в фашистской идеологии Джентиле и Муссолини, должна развиваться в полноценную индивидуальность, иначе сообщество, частью которого она является, превратится лишь в коллективную организацию:

«Развитые социологические формы являются формами свободы, тогда как коллективные формы — это формы произвола, поскольку в последних личность как носитель свободы задушена. В коллективных формах у индивидуума отнимается ответственность за развитие своей жизни, и ему предоставляется полная безопасность, таким образом создается мир без трагедии, в котором судьба замолкает, и вместе с ней также призыв Бога к преодолению этой судьбы».

И, явно намекая на любовь Гитлера к публичным выступлениям, он добавляет, что истинный лидер — это тот, кто ставит перед собой более высокие цели, чем сиюминутная политическая популярность и власть:

«Истинно духовного человека грызет забота не столько о внешнем формировании политической жизни, сколько о будущем немецкого человека. Он живет в более суровой атмосфере, чем "человек из народа". Из его исторических, духовных и моральных обязательств автоматически вытекают сомнения. Он любит свой народ в телеологическом напряжении, которое позволяет ему

в определенной степени сохранять относительную трезвость мышления в отношении повседневной жизни. Он чувствует, не произнося слов, и его торжества редки. Его взгляд замороженно устремлен в будущее; судьба его нации решается для него в искреннем стремлении народов, а не в праздновании памятных дней»

В противоположность гитлеровскому популизму Юнг рассматривает религиозную политику итальянского фашизма и цитирует определение фашизма, данное Муссолини:

«Фашизм есть религиозная концепция, в которой человек смотрит не с точки зрения внутренних донесений его сознания, а с точки зрения верховных законов, с точки зрения объективной воли, которая влечет частного индивидуума и поднимает его, делая его сознательным членом духовного общества»

Фашизм Муссолини предлагает проблеск подлинного слияния политики с трансцендентной религией, такой как христианство:

«Что касается тоталитарной концепции государства Муссолини, то здесь следует учитывать два момента: во-первых, власть, которая распространяется из католического пространства, из Вечного города — Рима. Испанский фашист Хименес Кабальеро зашел настолько далеко, что назвал Муссолини духом католицизма, и это мнение под-

тверждается той легкостью, с которой хозяин тоталитарного государства Муссолини отменил гражданский брак и передал его в ведение Церкви. В сердце римлянина католицизм остается типично итальянским делом, и это чувство значительно смягчает дуализм между государством и Церковью. Итальянскость и католицизм вместе образуют единое целое».

Таким образом,

«Фашизм — это вновь пробужденное чувство жизни, боевая позиция против Кальвина и Руссо, против 1789 года, равенства и народного суверенитета, против комфорта и буржуа. Это восстание духа против материи».

Италия также позволила индивидууму процветать в рамках «тоталитарной» системы фашизма:

«Если Муссолини резюмирует свою тоталитарную концепцию государства в формуле "ничего вне государства", то этот вид государственного тоталитаризма не стоит в непримиримой оппозиции к идее немецкого суверенного государства, которое проникает во все сферы жизни, даже когда признает их автономию. Очевидно, что вся жизнь нации должна протекать в государстве, но она не должна проходить через государство, а последнее — это другая форма тоталитарной концепции государства, например, та, которая грозит войти в немецкое пространство из России. Поэтому Ита-

лия предоставляет личности юридически обеспеченное свободное пространство. Все формы плановой экономики, ультракапитализма и государственного капитализма, которые могут поставить под угрозу «право и свободу личности», фашизм отвергает, так же как и обеспечивает свободное развитие интеллектуальной и религиозной жизни. Он остается приверженцем западной культуры, в то время как Россия вернулась к восточно-азиатским формам правления».

К сожалению, в Германии христианская политическая теология экономиста Адама Мюллера уже не могла существовать из-за ослабления христианства как политической силы. В России большевизм и вовсе отбросил религию. Национал-социализм предложил свою собственную социальную идеологию в качестве замены религии, но это, безусловно, недостаточно:

«Ведь согласно христианскому учению, подлинное мировоззрение может быть получено только из религии; оно, следовательно, должно охватывать вселенную и Бога. Христос говорит: "Я могу умереть за нацию и государство, но не могу превратить их в религию. Я могу исповедовать немецкий национализм и социалистическую этику на основе трансцендентальной веры, но я не могу поставить национализм и социализм на место религии"».

Юнг также делает паузу, чтобы обсудить ценность монархии как неотъемлемой части мировоззрения Консервативной революции:

«Корона вырастает из истории народа. Но родившись, она, благодаря милости Божьей, живет своей собственной жизнью, которую так же трудно отменить, как и жизнь других существ после того, как они появились свет. Народ, уничтожающий корону, уничтожает символ, который он установил вне себя, свободный от любых посягательств с его стороны. Он вновь становится подвластной временности, которую ранее уже преодолел с помощью короны».

Косвенно упоминая принцип фюрера, Юнг добавляет:

«Искусственно созданная народом корона, особенно если она заново позолочена в рамках конституционного статута, — это подделка, копия, а не оригинал, механизм, а не подлинная жизнь. Короны, созданные по милости народа, всегда шатаются».

Он отмечает, что национал-социалисты также стремились создать своего рода элитный «орден» (вдохновленный средневековым Тевтонским орденом), но подчеркивает, что такой орден должен формироваться не по партийной принадлежности, а по «новому принципу отбора, согласно которому к правящему меньшинству принадлежит тот человек, который внес особый вклад в развитие народа

и государства». В любом случае конечным результатом Консервативной революции должно стать одухотворение как отдельных личностей, так и организаций, составляющих нацию:

«Свобода в государстве Консервативной Революции глубоко основана на религиозном возрождении, которое ставит индивидуального человека перед узами совести... Вливание в наш коллективистский мир личного духа — высшая задача Немецкой революции. В ней возникает подлинный национализм; именно он воплощает исторического человека, который восстал, чтобы снова ввести немецкий народ в историю, чтобы свидетельствовать о немецкой миссии».

Эта германская миссия явно была больше, чем просто государственный проект. В то время как Меллер ван ден Брук ввел идею Третьего рейха для Германии, он не предлагал четкого видения ее сверхгерманского размаха. Вместо этого он сосредоточился на необходимости объединить все германские народы в возрожденном Германском Рейхе. Юнг придает большое значение тому, что Германия играет жизненно важную роль не только в центральных регионах, но и в Европе в целом. Ведь либеральные доктрины Французской революции оказали далекоидущий подрывной эффект на континент, который можно исправить лишь

в том случае, если центр власти вновь переместится с Запада в Центральную Европу:

«Орбита Европы переместилась из центра Европы на Запад; Священная Римская империя германской нации рухнула; возникли новые политические формы: Британская империя и "цивилизация" французской национальной демократии. Традиционная вражда между ними была забыта, когда в 1914 году Запад и цивилизованный им мир вступили в борьбу с Центральной Европой, чтобы подавить ее. Версаль и Женева — символы победы 1789 года. Поэтому каждое всемирно-историческое потрясение, каждое спасение Европы, потерявшей покой, имеют своим предварительным условием возвращение европейского центра тяжести в центр. Консервативная контрреволюция, соответственно, должна оцениваться в ее государственно-творческой способности революционного возрождения идеи Рейха. Ведь только она противопоставляет дезинтегрирующему воздействию национал-демократической государственной идеи ту связующую силу, которая способна упорядочить раздробленную Европу».

Наиболее опасным последствием либерального порядка, установленного Французской революцией, стал именно разрыв, который она создала между человеком и Богом:

«Мир был десакрализован, а человек лишен Бога. Не только в том смысле, что жизнь индивида больше не была непрерывной встречей с Богом, но и в том, что понимание, желая освобождения, все дальше отдалялось от космической жизни. Отчуждение происходило в равной степени как от Бога, так и от природы. Человек горячо верил в цивилизацию, религия была секуляризирована. Прогресс, технологии, труд, богатство, комфортная жизнь, земная власть, государство, нация — это лишь малая часть ложных богов, чьи образы были воздвигнуты».

Миссия Германии по возрождению Европы основывалась на ее исторической роли лидера Священной Римской империи, которую она исполняла на протяжении нескольких веков. Способность немцев к организации Европы была, таким образом, подтверждена историей:

«История нашего народа показывает нас как защитников Креста, как защитников и организаторов народов Европы, живущих под короной германского императора. Рейх и Кайзер — это защитные силы против язычества и Антихриста; они на протяжении тысячелетия отражали все атаки, направленные против христианства».

А также самым германским характером:

«Наш исторический характер основан на духовной глубине. Поэтому мы были не только кур-

фюрстами, защищающими христианство, но и воинами за чистоту Евангелия. Из этого возник внутренний конфессиональный раскол, от которого мы страдаем. Он не может быть ни оспорен, ни устранен с помощью насилия. Однако на более высоком уровне он преодолим: на уровне общей борьбы против Антихриста. Восстание немецкого народа против большевизма — это не что иное, как возвращение к нашей великой исторической задаче: быть защитниками христианской доктрины спасения».

Задача возрождения религиозных основ Европы была срочной и могла быть выполнена только консервативными революционерами, которые должны быть настоящими христианами по духу:

«Революционная сила христианства действует с тех пор, как оно создало новый мир: Запад. Этот христианский Запад в XIX веке стал упадническим и десакрализованным. Он угрожал поддаться Антихристу в форме рационализма, мирского и материализма. Рехристианизация, таким образом, поднимается с революционной силой, и от нее зависит, существовать или погибнуть европейскому культурному миру».

Если возразят, что сама Германия разделена на две христианские конфессии — протестантскую и католическую, Юнг отвечает, что это разделение может служить ее силой в религиозной миссии, поскольку в то время как протестантская церковь

способствует консолидации германского государства, католицизм по своей природе является превосходным инструментом господства Германии над остальной Европой:

«Широта религиозной жизни, которая выражается через германское двурелигиозное состояние, может быть действительно полезной для исторического развития. Ведь нация, включающая протестантов и католиков, обладает преимуществом объединения обеих культурных традиций в своем мировоззрении».

Необходимость существования общеевропейского Германского Рейха также обосновывалась тем, что малые нации не могли существовать плодотворно самостоятельно:

«Торговля и экономика требуют более крупных единиц, а цивилизация и технологии — более сложного распределения труда, что малые нации не могут себе позволить. Если они настаивают на своей государственной независимости, они обречены на существование, в котором они не могут ни жить, ни умереть».

Однако господство Германии в Европе должно быть не милитаристским, а духовным:

«Если это духовное царство возобладает, то даже военные и стратегические расчеты упрямых кабинетов будут аннулированы. Они основаны на милитаризации всей национальной силы,

на основной идее национальной демократии, всеобщей воинской обязанности. Если мы дадим народам уверенность в том, что их национальная жизнь больше не угрожает никакой государственной политике, что национальные законы являются международно священными, они вернутся к своей земной, естественной жизни и оставят область государственной политики тем, для кого это является страстью и призванием».

Германский Рейх должен управлять народами, находящимися под его опекой, со справедливостью, а справедливость, как и власть, в конечном итоге исходит от Бога:

«Великая задача политики — установление порядка среди неравных, будь то среди людей или среди наций. Этот порядок не может возникнуть без справедливости, а справедливость невозможна без господства. Но только тот, кто использует силу Божьей благодати, призван к господству».

Александр Якоб

ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О НЕОБХОДИМОСТИ ДАННОЙ РАБОТЫ

Чем больше море, тем чаще моряк проверяет местоположение своего судна. Так и на нас, революционеров, давит желание получить определенность в отношении нашего нынешнего положения. Буржуа может позволить себе пожать плечами и прикрыть любое событие понятием «революция». Для него революция — это событие, которому он позволяет довлеть над ним; для нас же это долгожданный добровольный акт созидания. Революционер подобен всаднику, который гордится своей породистой лошадью, но поджимает ноги и укорачивает поводья, чтобы она не сделала ни одного шага без его желания.

В ходе истории происходит много такого, что ее инструмент, человек, не может предвидеть. Но именно поэтому он не должен полагаться только на революционные основы и воздерживаться от обязанности обозначать и формировать ее движение. Ведь только мышление делает человека, оно контролирует инстинкты и придает событиям внутренний смысл. Рациональное планирование остается характерной чертой человеческой деятельности. Если оно приостанавливается или мысль ограничи-

вается интеллектуальным оправданием инстинктивной жизни, то начинается грех против духа. Планирование — это разумная теоретизация настоящего; будущее — это не более чем связь с настоящим и продолжение того, что уже было.

Обращение к существенному и пренебрежение формой придают революции силу. Но в них же кроется и ее опасность, которая тем сильнее, что ее можно оспорить на рациональных основаниях. Немецкую революцию все революционеры, и я в том числе, характеризуют как восстание крови и духа против интеллекта и доктрины. Одни ссылаются на борьбу «души» с «разумом» (Людвиг Клагес¹); Ницше, романтики, и вот уже инстинктивное прославляется, а интеллектуальная дисциплина дискредитируется. То, что противопоставление интеллекта как антагониста души носит лишь полемический характер и не может восприниматься буквально, а только диалектически, легко упускается из виду. Допущение фактического дуализма приводит к опасной дихотомизации жизни на так называемую интеллектуальную и так называемую кровную стороны. Если к этому добавляются небольшие уточнения, такие как теория и практика, то получается полная путаница. Тогда лишь не-

¹ Людвиг Клагес (1872–1956) — немецкий философ, представитель философии жизни, в которой интеллект рассматривался как антагонист души. — *Здесь и далее прим. пер.*

большой шаг отделяет человека от ложного вывода о том, что интеллект и политику также можно выставить врагами друг против друга.

Существенное в революции не противостоит мыслящему интеллекту. Напротив: революции — это эпохи повышенной интеллектуальной активности, даже когда материальные заботы и желания, казалось бы, довлеют над ними. Каждая подлинная революция — это рост новой меры ценности в интеллектуальной сфере. В противном случае речь идет лишь о социальном восстании или, более того, о политическом перевороте.

Исторические изменения редко бывают однозначными и поэтому не могут быть легко сведены к общему знаменателю. Так и течения, объединившиеся в Немецкой революции 1933 года, имеют различное происхождение. Но так же, как после слияния важно, какой из потоков даст название основному, так и в случае с Немецкой революцией будет решающим, какая интеллектуальная ориентация в ней преобладает и придает ей историческую печать. Высшая задача этой работы — представить истоки нынешних событий и исследовать их внутреннее направление, а также определить как их политическую позицию, так и курс на будущее.

В течение двух десятилетий автор этой работы был сторонником Немецкой революции и бо-

ролся за нее. Как же он мог не приветствовать события последних месяцев? Он возлагает на духовную чистоту и интеллектуальную силу немецкого народа то доверие, которое должно быть у человека, мыслящего исторически, когда он осознает, как медленно мелют мельницы Господни. Каждое событие имеет свое глубокое значение, часто становящееся очевидным только в ретроспективе. Поэтому я подтверждаю силу этого пробуждения и уверен в реализации немецкого духа, которым увенчается эта революция.